

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Кучерявых Юлии Николаевны «ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ А.Т. АВЕРЧЕНКО: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория язык

Как известно, играть в самом широком смысле – это смеяться и/или познавать. Мотив любой игры заключается не в ее результате, а в самом процессе. Игра, по определению, является деятельностью ради самой себя, а не деятельностью, непосредственно направленной на некоторую серьезную цель за пределами игры. Игрок играет только ради желания играть, а не для чего-нибудь еще. Это свободное, творческое, эмоционально напряженное времяпрепровождение.

Языковая игра представляет собой преднамеренное отклонение от языковой нормы или стандарта. Её специфика заключается в выполнении художественно-эстетического задания автора. В нашем случае в выявлении особенностей формирования и функционирования смысловых акцентов в произведениях Аркадия Тимофеевича Аверченко. Этот писатель был убежден, что с помощью смеха можно исправить мир, что важнее всего любовь к жизни, простой здравый смысл, положительным героем которого является целительный смех.

Комплексное описание феномена языковой игры как примера целительного смеха А. Аверченко – главная исследовательская находка Юлии Николаевны Кучерявых. В этой связи новизна исследования не вызывает сомнения.

Теоретическая значимость данной работы определяется актуальностью проблематики исследования феномена языковой игры как основополагающего фактора формирования пространства художественного произведения, включающего в себя выделение не только приемов и способов языковой игры в тексте как таковых, но и особенностей их реализации в текстах А.Т. Аверченко.

Практическая значимость работы заключается в применении ее результатов в теоретических и практических курсах по лингвистическому анализу текста, теории текста, при чтении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам идиостиля писателя, а также при подготовке лекционных и практических занятий по языкознанию, стилистике, русской литературе, лингвокультурологии.

Важно отметить, что выявление механизмов языковой игры и ее закономерностей в диссертации тесно связано с анализом функционирования

языковой личности, наделенной определенными качествами, воплощенными в речи героев художественного произведения, как репрезентации человека играющего, а также реализации лингвокультурного типажа.

Первое положение, выносимое на защиту, правомерно обращено к описанию прагматической основы создания лингвокультурного типажа, репрезентированного в персонаже художественного текста, а также к структурно-семантической реализации его коммуникативно-игрового поведения.

Юлия Николаевна утверждает, что лингвокультурный типаж является характеристикой языковой личности, ее коммуникативного или игрового поведения, речевых склонностей и особенностей, реализуемых в конкретной ситуации и с заданной целью. (СТР. 61)

ЛК-типаж в рецензируемой работе воплощается и конкретизируется в персонаже – действующем лице художественного текста, наделенном автором, определенными поведенческими, портретными, психологическими чертами, стирая грань между фикцией и реально существующим человеком. Следовательно, персонаж аккумулирует характеристики, присущие языковой личности в целом. Поэтому, по мнению соискателя, является типажом или функционально-типизируемой личностью (СТР. 64). Таких личностей в работе мы находим три: чиновник, обыватель и чудаковатый интеллигент. Каждый ЛК-типаж воплощается и конкретизируется в персонаже художественного текста, наделенном автором определенными поведенческими, портретными, психологическими чертами, стирая грань между фикцией и реально существующим человеком. Индивидуальные качества языковой личности, как справедливо замечает диссертант, воплощаются в лингвокультурном типаже, являющемся комплексом культурно-значимых ценностей, а также качеств национального характера и поведенческих установок, реализуемых в определенной коммуникативной ситуации.

Второе и третье положение, выносимые на защиту, связаны с понятием языковой игры и средствами ее создания в текстах А. Аверченко.

Юлия Николаевна замечает, что обращение к проблеме изучения феномена языковой игры в рамках лингвопрагматического аспекта исследования связано с пониманием речи как деятельности, а языковой игры – как особого употребления языка, осознанно нарушающего каноны и подчеркивающего индивидуальность языковой «играющей» личности.

«Репрезентация языковой игры, пишет Ю.Н. Кучерявых, ...имеет индивидуальные особенности, речевые склонности, целевые установки, коммуникативные задачи, способы и приемы ее создания, которые влияют на структурно-семантическую организацию отдельного высказывания и литературного текста в целом. Автор обычно выражает эксплицитно только

самое необходимое, а значительную часть информации «скрывает», формируя подтекст, способствующий созданию индивидуально-авторских значений и дополнительных коннотаций, трансформациям синтаксических конструкций. Экспликация новых смыслов и добавочных оттенков значений языковых единиц, игра с их сочетаемостью, осознанное нарушение языковых норм позволяют по-иному взглянуть на действительность и дифференцировать различные формы и приемы языковой игры в художественном творчестве писателя» (СТР. 74).

Диссертант констатировал, что играющей языковой личностью можно назвать ту, которая, владея нормами, способна осознанно от них отступать, прагматически существовать в нескольких речевых образах-масках, использовать различные языковые средства, отклоняющиеся от нормы, позволяющие ей комфортно существовать в заданной коммуникативной среде и следовать своим целевым установкам.

Хочется отметить и тот факт, что работа Ю.Н. Кучерявых очень точно соотносится с современными исследованиями по психо- и прагмалингвистике.

Четвертое и пятое положения, выносимые на защиту, связаны с описанием специфики языковой игры в персонажной речи лингвокультурного типажа.

Поскольку языковая игра, прежде всего, проявляется в коммуникации, а значительную часть информации автор передает с помощью изменения семантики языковых единиц, то важными в диссертационном исследовании становятся ирония, каламбур, явления семантической аппликации устойчивых сочетаний, как особенностей языковой игры, а также способа формирования и функционирования лингвотипажа, воплощенного в персонаже художественного произведения.

Шестое положение, выносимое на защиту, решает задачу формирования подтекста произведений А. Аверченко средствами иронии как языковой игры.

Системно в работе рассматриваются виды и формы реализации этого средства противопоставления себя как личности окружающей действительности, обусловленного желанием отвлечься или «возвыситься» над негативной реальностью.

Юлия Николаевна при работе с практическим материалом показала, что специфической чертой иронии Аверченко является то, что только один из участников играет осознанно и по собственному желанию, а второй – всего лишь объект, который узнает об игре только *post factum* или не узнает вообще.

«Основная цель использования иронических средств и способов, среди которых различаются рефлексивные и нереклексивные способы создания оценки. Алогичность и абсурдность высмеиваемых явлений создают дополнительные скрытые смыслы и обеспечивают разнообразие форм, средств

и приемов иронии, эксплицируемых получателем сообщения» – пишет диссертант. (СТР. 76)

Поддержки заслуживает высказывание о том, что важными для функционирования лингвотипажа являются речевые склонности играющей языковой личности, формирующие индивидуально-поведенческий речевой стиль.

В работе Кучерявых Ю.Н. обоснованно, что ирония А.Т. Аверченко обладает двуплановостью, основанной на собственно лингвистическом и экстралингвистическом уровнях текста. «Такого рода дифференциация, – пишет диссертант, – служит критерием для классификации иронических элементов языковой игры и репрезентации речевых склонностей лингвокультурных типажей в произведениях писателя» (СТР. 118).

Оценочность, по мнению соискателя, является целью использования иронических приемов разговорной речи, среди которых выделяются рефлексивные (экстралингвистический уровень языковой системы) и нерефлексивные (семантический уровень языка) способы ее создания. В творчестве А.Т. Аверченко рефлексивная ироническая оценочность представлена следующими пресуппозиционными элементами: античным, библейским, русским.

Виртуозно в диссертационном исследовании сделано описание семантической и синтаксической стороны процесса авторского языкотворчества. Синтаксическая (СА) и семантическая (СемА) аппликации языковых единиц становятся важным средством создания языковой игры. Юлия Николаевна приводит классификацию видов авторской аппликации.

«В зависимости от мироощущения автора текста, слово, употребленное в СА, способно приобретать а) отрицательную оценочную коннотацию, например, при характеристике отношения персонажа к ситуации или личности другого героя; б) сочетание нейтральной и маркированной лексики является одним из способов создания юмористической ситуации или иронического образа в произведении; в) апелляция к фоновым знаниям читателя становится метафорическим «фундаментом» для придания иронического оттенка всему высказыванию или контексту; г) при помощи СА проявляется гнев персонажа, актуализируется авторское отношение к ситуации» – резюмирует автор. (СТР. 135)

Употребление же в художественном тексте семантической аппликации (СемА), как элемента языковой игры, по мнению соискателя, однозначно формирует в сознании реципиента различные эмоционально маркированные эффекты и создает подтекстное, интертекстуальное пространство, дополненное коннотативными значениями языковых единиц, которое способен воспринять и интерпретировать читатель, обладающий фондом фоновых знаний.

Кроме того, в работе выявлены «образовавшиеся в процессе семантической аппликации индивидуально-авторские устойчивые речеобразования, их роль в создании различных эмоционально-стилистических эффектов или характеристике персонажей. Обороты, основанные на общеизвестных фразеологических единицах, под влиянием авторского замысла или контекста расширяются путем 1) включения дополнительного смыслового компонента в общеупотребительный фразеологизм, 2) замены одного или нескольких элементов УР, 3) «доигрывания» действия или явления, заложенного в микроконтексте устойчивого сочетания, 4) интертекстуальной СемА» (СТР. 180).

Отметим, что Юлия Николаевна выделяет пять индивидуально-авторских компилированных типов СемА, присутствующих в художественных текстах Аркадия Тимофеевича Аверченко, и аргументированно раскрывает их сущность и функционал (глава 3, СТР. 138-170).

Кроме вышесказанного, работа имеет ряд замечаний и дискуссионных вопросов:

1. Развивая традиции русской сатирической классики, А.Т. Аверченко создает максимально обобщенные образы носителей зла, что является одним из основополагающих принципов поэтики писателя. Юмористический писатель опирается на здравый смысл аудитории, что позволяет соединить в тексте иронию и лиризм, добродушное лукавство и драматическую остроту конфликта. В диссертации исследователь избирает для анализа три вида лингвокультурных типажей: чиновник, чудаковатый интеллигент и обыватель. Каковы критерии их выделения из других лингвокультурных типажей, какова концептосфера этих типажей вообще и частотность использования писателем А.Т. Аверченко? Как они вписываются в концепцию «обобщенных носителей зла»?

2. Автор пишет, что «разграничивая виды иронической оценочности на нерелексивную и релексивную, можно выявить закономерности между ЛК-типажем и видами иронии, им используемыми в конкретной речевой ситуации: модельная языковая личность представляет лингвокультурный типаж «чиновник», имеющий в русском языковом сознании сниженную оценочность». (СТР. 120) Хочется спросить: а другие исследуемые лингвокультурные типажи: чудаковатый интеллигент и обыватель, какой вид оценочности представляют?

3. На наш взгляд, необходимо укрупнить положения, выносимы на защиту, и внести в них выводы по синтаксической и семантической аппликации.

4. И наконец, хотелось бы увидеть в работе более развернутую методологическую базу разработки теории исследования, например, труды Р.Х.

Брауна, создавшего типологию иронии (Brown R.H. A poetic for sociology. Toward a logic of discovery for the human sciences. Cambridge, 1997.); Богдановой М. В., исследующей детально творчество А.Т. Аверченко (Проблема жанрового своеобразия литературного и публицистического творчества А.Т. Аверченко: дисс. канд. филол. наук. Краснодар, 2000); Соповой Т.Г. (ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕК: дисс. канд. филол.наук. СПб., 2007), Бредихина С.Н. («Языковая игра» как лингвистический феномен: на материале философских текстов М. Хайдеггера: дисс. канд. филол. наук: 10.02.19. Нальчик, 2003), Игнатъевой Т.В. (Языковая игра в художественной литературе: дисс канд. филол наук. Рязань, 2012), разрабатывающих теорию языковой игры.

Изложенные в отзыве вопросы и замечания носят частный характер и нисколько не снижают высокого научного уровня и перспективности данной работы.

Все сказанное позволяет утверждать, что диссертация Кучерявых Юлии Николаевны «Языковая игра в художественных текстах А.Т. Аверченко: прагматические характеристики и структурно-семантические формы реализации» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Доктор филологических наук,
профессор, и.о. зав.кафедрой журналистики
федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69,
к. 255, т. 8(863)263-30-80; klemenova@yandex.ru
специальность 10.02.01 – русский язык


Е.Н. Клемёнова

